

Как делали фильмы в Голливуде

14.07.2024

9. Встреча с Эррио

В мире 55 000 кинотеатров, их посещают еженедельно 250 000 000 зрителей. Эти театры должны показывать только американские картины. Мы даем вам хороший товар, мы вас веселим, и мы вас воспитываем. За это вы нам платите дань: франки, марки, фунты, кроны, рубли, иены, лиры, песеты, пенги, леи, флорины, динары. Это просто и ясно. Надо быть упрямым европейцем, чтобы не видеть столь очевидной истины. Конечно, во Франции старинные соборы и редкие вина.

Хейсу некогда глядеть на знаменитые церкви — он молится по воскресеньям в обыкновенной кирке. Что касается вина, то Хейс признает только сельтерскую воду. Пусть французы гордятся развалинами и заплесневевшими бутылками — это их дело. Хейс знает одно: французы, как и все прочие люди, обязаны по вечерам смотреть американские картины. Однако они бунтуют. Они хотят смотреть свои собственные картины. Против всеильного Хейса восстает какой-то Эррио. Эррио — не угодно ли? Эрри-о!..

Хейс в негодовании прыгает на тридцать седьмом этаже.

Эррио у себя дома мирно раскуривает трубку. Эррио отнюдь не Хейс, Эррио любит литературные реминисценции. Он любит также плотную лионскую кухню, после которой охватывает душу полусон, исполненный вдохновения. Он равнодушен к телефону. Совершенно случайно он не удит рыбы. Зато он охотно говорит перед дамами в клубе «Анналь» о «храме Минервы» или о «шелесте нормандского леса». У него широкие плечи и жесткие волосы, но у него очень нежная душа. Немало времени посвятил он вопросу о том, познала ли г-жа Рекамье подлинные радости любви? Это мечтатель и романтик. Он не способен оценить прекрасные продукты «Парамаунта» или «Фокса».

В качестве министра народного просвещения он занят судьбами кино. Перед рассеянными депутатами, которые гадают, скоро ли падет кабинет, он патетически восклицает:

— Я буду до конца сопротивляться колонизации Франции американским кино!..

Хейс не боится красивых фраз. Но Эррио переходит к действиям, он публикует декрет об ограничении ввоза иностранных фильмов.

Тогда Хейс теряет хладнокровие. Перед ним микрофон. Он разговаривает с миром. Он кричит:

— Я сделаю все, чтобы добиться отмены этого несправедливого декрета!..

Хейс скор не только на слова. Он едет во Францию. Он встречается с Эррио. Он уговаривает. Он грозит. Если Франция не отменит декрета, Америка ответит репрессиями. Мы закроем рынок для французских товаров. Этот низенький человек с оттопыренными ушами умеет быть язвительным и едким.

Эррио чересчур благодушен для подобных бесед. Он может разговаривать с Макдональдом о будущем Европы: это увлекательно и благородно. Ему трудно разговаривать с мистером Хейсом о таможенной войне. Он пробует спорить: фильмы не просто товар, фильмы влияют на душу народа... У себя в Америке Хейс охотно согласился бы с этим. Но сейчас он занят одним: двери настежь! Фильмы прежде всего предмет экспорта...

Увидав, что с Эррио трудно договориться, Хейс начинает обрабатывать различных членов «Комиссии по делам кинематографа», которым Эррио поручил охрану национальных интересов. Может быть, члены комиссии тоже любят Минерву и г-жу Рекамье, но это люди покладистые. Надо учитывать интересы французских фирм... Нельзя рубить сплеча... Мистер Хейс предлагает компромисс... Мы подпишем временное соглашение...

Хейс вернулся в Америку с улыбкой победителя. Он не настаивал на словах. «Французы самолюбивы. Пусть они называют это «компромиссом». Мы даже купим у них десяток картин. Выбрать похуже. Показывать только в самых плохоньких театрах. Для Франции: извольте, мы покупаем ваш товар! Для Цукора и Фокса: в течение года мы продали во Францию картин на 425 000 долларов. Для всех граждан Соединенных Штатов — организация Хейса сильнее всех министров мира. Мы кормим 400 000 американцев. Мы бойко торгуем нашими продуктами. Мы помогаем и другим коммерсантам. Президент Гувер прав, говоря: «В тех странах, куда проникают американские фильмы, мы продаем вдвое больше американских автомобилей, американских патефонов и американских кепок». Мы также приучаем Европу думать по-нашему. Эррио, конечно, ничему не научится, но его дети ходят в кино, и они поймут, что телефон куда интересней г-жи Рекамье и что шелест зеленых ассигнаций способен заглушить шум нормандского леса.

10. Он заговорил!

Уильям Фокс — земляк Цукора, и в жизни этих несхожих людей много общего. Оба знали нищету и тяжелый труд. Оба вовремя заинтересовались «движущимися картинками». Однако Адольф Цукор любит красоту и славу. Он падок на интервью. Он почитает себя не

дельцом, а художником. Фокс не любит кино. Ему противны мелодрамы, как противны кондитеру приторные пирожные. Он не ходит в свои театры. За пять лет он только один раз удосужился съездить в Голливуд на свою фабрику: он занят, он работает.

Фильмы делают другие: режиссеры, актеры, маляры. Он продает фильмы. Он покупает залы. Он достает доллары. Он занят с утра до ночи. Он никогда не путешествует. Дважды в год он ездит в санаторий: там машину смазывают маслом. Он не подпускает к себе журналистов. Однажды какому-то фотографу удалось заснять незримого Фокса. Портрет был напечатан. На портрете угрюмо мерцали глаза и топорщились усы. Увидев свой портрет, Уильям Фокс смутился. Он не мог переменить глаза, но он тотчас сбрил усы.

Адольф Цукор всегда побаивался хитрого Фокса. Война началась давно, оба тогда были неопытными дельцами. Цукор готовил большую картину «Кармен». Все газеты писали о предстоящем чуде: «Что за постановка! Какая пышность! Сколько затрат!» Фокс приказал своим служащим в десять дней смастерить маленькую картину. Он выпустил к ней афиши: испанка с розой в зубах. Театры покупали картину Фокса, думая, что это — обещанная Цукором «Кармен». И Цукор и Фокс с тех нор выросли. Вместо выстрелов из-за угла они открыли артиллерийскую дуэль. Оба скупают театры, оба выкидывают на рынок сотни картин, оба завоевывают пять частей света.

Цукор любит говорить:

— Мой кинематограф в Нью-Йорке не самый большой, но самый роскошный.

Фокс молчит: самый большой кинематограф мира принадлежит ему.

Цукор хвастается успехом своих «звезд», рекордными цифрами сборов, восторгом публики. Фокс ничем не хвастается. У Фокса свои способы добывать доллары: ни дорогих актеров, ни сенсационных картин; добротная средняя продукция, как можно больше ходкого товара.

«Фокс фильм корпорейшн» контролирует фирму «Лоу». Фирма «Лоу» включает в себя «Метро-Голдвин-Майер». Уильям Фокс живет скромно в небольшом коттедже. Для того чтобы тратить деньги, у него нет ни времени, ни фантазии. Чистый доход «Фокс фильм корпорейшн» за истекший год равняется 12 000 000 долларов. Чистый доход «Лоу» равняется 11 700 000. Итого 23 700 000...

Уильям Фокс уныло позевывает в своем коттедже. Наступает вечер. Простые люди идут в кино глядеть фильмы «Фокса». Уильям Фокс смотрит на холодный томительный свет электрической лампы.